

СТАНИСЛАВЪ ОРЪХОВСКІЙ.

Въ исторіи польской литературы Станиславъ Орѣховскій, извѣстенъ, какъ талантливый ораторъ и публицистъ. Въ скромномъ положеніи перемышльскаго каноника онъ своими сочиненіями, горячими спорами съ польскимъ духовенствомъ, въ особенности своей жеманностью и противодѣйствіемъ безбрачію духовенства приобрѣлъ въ половинѣ шестнадцатаго вѣка громкую извѣстность въ Польшѣ, обратилъ на себя вниманіе короля и римскаго папы. Крайне тревожная жизнь Орѣховскаго отразила на себѣ почти всѣ характерныя стороны современной ему польской гражданственности и культуры, хорошія и дурныя.

Личность и сочиненія Орѣховскаго представляются во многихъ отношеніяхъ любопытными и для историка южнорусской литературы XVII вѣка. Орѣховскій—украинецъ по происхожденію, и онъ хорошо это сознавалъ и даже гордился. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ указываетъ на свое русское происхождение, и почти всѣ они въ заглавіи имѣютъ: „Stan. Orichowii Rutheni“, или „Stan. Orichowii, gente Roxolani, natione vero Poloni“. Имя Орѣховскаго пользовалось почетной извѣстностью среди выдающихся по уму и образованію южнорусскихъ писателей XVII вѣка, преимущественно за оппозиціонное отношеніе Орѣховскаго къ безбрачію духовенства, рѣзкія отзывы о папѣ и нѣсколько сочувственныхъ замѣчаній о православныхъ. Захарія Ковыстенскій въ „Палинодіи“ (составлена въ 20-хъ годахъ XVII в.) говоритъ: „Защный оный и висоце учоный мужъ Станиславъ Орѣховскій, каноникъ премыскій, который року 1561 маючи справу въ Варшавѣ на синодѣ провинціальному предъ арци-

бискупами и бискупами лацкими, гдѣ судомъ ихъ за укривленого себе разумѣючи, до столицы апостольской константинопольской отзывался, што ся видѣти даетъ зъ словъ ораціи его, которую до того жъ синоду чинилъ... То правый и старый правды мовца ляхъ! О! гды бы и нынѣшніи панове поляци такъ чтили, шановали и поважали св. столицу константинопольскую, отъ которой научени правдиваго Бога познали, поганство повергли и крещеніемъ при княжати польскомъ Мстиславѣ (?) просвѣтились“¹⁾... Въ другомъ мѣстѣ Палинодіи Копыстенскій извлекаетъ изъ „Діатрибы“ Орѣховскаго слѣдующее его сочувственное замѣчаніе о православныхъ: „абы Грекове зъ Русью прето, ижъ въ нихъ поспольство келиха уживаетъ, а іереи жены мають, на сторонѣ непобожныхъ и въ личбѣ непріятелей Божіихъ почитаны быти мѣли, не здаеть ми ся и овшемъ розумѣю то о нихъ, же суть христіане и же суть въ церкви“²⁾. Эти замѣчанія Копыстенскаго показываютъ, какія стороны въ дѣятельности Орѣховскаго нашли сочувствіе на православной Руси, несмотря на то, что южнорусскіе люди вообще не могли считать его своимъ человѣкомъ, по причинѣ принадлежности его католической церкви, и считали его ляхомъ.

Орѣховскій родился въ 1513 г. (по Вишневному³⁾ или въ 1515 г. (по Оссолинскому⁴⁾). Отецъ его былъ земскимъ писаремъ въ Перемышлѣ; мать—дочь православнаго русскаго священника. Католицизмъ въ родѣ Орѣховскихъ утвердился незадолго до появленія на свѣтъ Станислава Орѣховскаго, и память о томъ, что нѣкогда предки его были православными, жила еще въ семьѣ, какъ фамиліное преданіе. Уже въ дѣтскихъ годахъ Орѣховскій обнаружилъ большую память, сильное воображеніе и быструю сообразительность. Первоначально онъ учился въ родномъ городѣ. На 14-мъ году онъ былъ отправленъ въ Вѣну; но во время осады Вѣны турками въ 1529 г. бѣжалъ въ Витем-

¹⁾ Русск. Историч. Библ. IV. 606; подробности тамъ же, на 997 стр. и 1163 стр.

²⁾ Тамъ же, 931.

³⁾ Wiszniewski, Hist. liter. polsk. IX, 35.

⁴⁾ Ossolinski, Wiadomosci hist.—krytyczne. III. 3.

бергъ и здѣсь прожилъ три года, при чемъ познакомился съ Лютеромъ и Меланхтономъ. Нѣмецкіе реформаторы произвели на Орѣховскаго сильное впечатлѣніе. Хотя Орѣховскій не вышелъ изъ лона католической церкви, хотя впоследствии онъ даже писалъ противъ Лютера, но при всемъ томъ близкое знакомство съ Лютеромъ и Меланхтономъ оставило на немъ неизгладимую печать, въ смыслѣ стремленія къ духовной свободѣ и въ особенности нерасположенія къ безбрачію духовенства. По настоянію отца, Орѣховскій переѣхалъ въ 1532 г. въ Италію. Онъ слушалъ лекціи знаменитѣйшихъ профессоровъ преимущественно въ Болоньѣ, затѣмъ въ Падуѣ, Венеціи и Римѣ. Въ послѣднемъ городѣ онъ нашелъ покровителя въ лицѣ кардинала Контарини. Пробывъ за границей 17 лѣтъ, Орѣховскій, по желанію отца, возвратился на родину, гдѣ ему уже припасли мѣсто приходскаго священника. Свободолюбивому вольнодумцу Орѣховскому вовсе не по сердцу была дѣятельность священнослужителя. Посвященіе его состоялось въ 1542 году, послѣ предварительнаго сильнаго угощенія виномъ.

Во время Орѣховскаго Польша не отличалась большою религіозностью. Короли Сигизмундъ I и въ особенности Сигизмундъ II Августъ довольно равнодушно относились къ интересамъ церкви, а послѣдній даже обнаружилъ симпатію къ протестантамъ. Католическое духовенство было поглощено матеріальными житейскими заботами и отличалось большей безнравственностью. Безбрачіе вело къ разврату. По словамъ Орѣховскаго, польское католическое духовенство его времени представляло Содомъ и Гоморру. Власть папы въ Польшѣ была ограничена властью короля, и въ этомъ отношеніи особенно большой неуступчивостью отличался Сигизмундъ Августъ. Равнодушіе къ католицизму въ половинѣ XVI в. стало всеобщимъ среди высшаго дворянства и шляхты. Слабымъ развитіемъ религіознаго чувства обусловлена была большая вѣротерпимость и свобода совѣсти, что въ свою очередь содѣйствовало распространенію протестантизма и социанства, только что появившихся въ это время, а потому свѣжихъ и сильныхъ¹⁾.

¹⁾ Подробности въ соч. Любомира, Исторія реформации въ Польшѣ. В. 1883.

Орѣховскій занялъ перемышльскую канонію, которая давно уже была для него выхлопотана отцомъ, и сверхъ того получилъ еще два прихода, одинъ въ Журовицахъ въ перемышльской епархіи, другой въ Побѣдникахъ, въ краковской. Перемышльскій бискупъ Тарло хотѣлъ удалить его изъ Журовиць; но Орѣховскій отправился въ Варшаву съ жалобой къ королю и примасу Гамрату, расположилъ послѣдняго въ свою пользу и удержалъ за собой журовицкій приходъ. Орѣховскій оказался очень безпокойнымъ плебаномъ; въ короткое время онъ нажилъ много враговъ, особенно среди мѣстнаго духовенства, которое третировалъ свысока. Оссолинскій по этому поводу рѣзко отзывается объ Орѣховскомъ, становясь вполне на сторону его враговъ. По его словамъ, Орѣховскій дѣйствовалъ, какъ собака, спущенная съ цѣпи, сплетнями и ябедами смущалъ сосѣдей, насмѣхался надъ духовенствомъ, пренебрегаль мѣстными обычаями¹⁾. Болѣе справедливую и основательную оцѣнку его плебанской дѣятельности даетъ Любовичъ: „Заграничное путешествіе Орѣховскаго не осталось безъ вліянія на него. Онъ не могъ смотрѣть безучастно на безнравственную жизнь духовенства, на постоянныя уклоненія его отъ предписаній католической церкви, на насилія по отношенію къ православному населенію, котораго было такъ много въ перемышльской епархіи. Уклоненія отъ предписаній церкви, злоупотребленія, съ которыми католическое духовенство уже такъ свыклось, что даже не замѣчало ихъ, все это, однако, оскорбляло его религіозное чувство“²⁾.

Въ первыхъ своихъ литературныхъ произведеніяхъ Орѣховскій выступаетъ украинцемъ по своимъ симпатіямъ и мнѣніямъ, во всемъ томъ, гдѣ не примѣшалось латинство. Борьба съ турками составляла историческое призваніе южнорусскаго народа въ древнее время, что подтверждается всѣми памятниками южнорусской старины, актами, лѣтописями, пѣснями и сказаніями. И первые, самые ранніе литературные труды Орѣховскаго говорятъ намъ объ этой борьбѣ, объясняютъ отчасти ея значеніе и на-

¹⁾ *Ossolinski*, III. 11.

²⁾ *Любовичъ*, 75.

правление; но такъ какъ Орѣховскій былъ только gente goholani, natione vero poloni, то и рѣчь его обращена не къ южнорусскому народу, а къ польской шляхтѣ, и стремленія его опредѣлены въ значительной степени польскими интересами, въ данномъ случаѣ совпавшими съ южнорусскими народными желаніями. Въ 1543 г. Орѣховскій составилъ на латинскомъ языкѣ первую *турцику*, въ 1544—другую, два сочиненія противъ турокъ, съ названіемъ по образцу демосееновскихъ филиппикъ. Первая турцика посвящена шляхтѣ, вторая королю Сигизмунду I. Въ обѣихъ заключается горячее призваніе къ борьбѣ съ турками за Польшу и все христіанство. Появленіе турцикъ Орѣховскаго обусловлено было военными успѣхами турокъ, въ то время опустошавшихъ Венгрію. Солиманъ Великолѣпный въ 1541 г. осаждалъ Буда-Пешть. Приглашая шляхту и короля на войну съ турками, Орѣховскій говоритъ, что Солиманъ, овладѣвши Валахіей, укрѣпившись на Днѣстрѣ, покоривъ Венгрію, обратитъ свои войска на Польшу, въ которой ему все противно,—вѣра, обычаи, законы, и опустошитъ край огнемъ и мечемъ. Въ первой турцикѣ Орѣховскій высказываетъ сожалѣніе, что польская шляхта стала терять воинственный духъ и предалась земледѣлію и торговлѣ. „Вся мысль шляхты, говоритъ онъ, ушла въ умноженіе богатствъ. Шляхтичи тѣмъ только и занимаются, что роются въ старыхъ документахъ и справляются въ законахъ, чтобы какъ нибудь оттягать въ свою пользу чужую деревню или отрѣзать кусокъ земли отъ сосѣда. И дѣлами подобнаго рода заваливаютъ они сеймы и судебныя собранія“. Турцики отличаются высокими литературными достоинствами, силой, простотой, ясностью. Онѣ были вторично изданы въ 1551 г., въ третій разъ въ польскомъ переводѣ подъ названіемъ *Oksza na Turków* (Сѣкира на турокъ) въ 1590 г. и въ четвертый въ Римѣ въ 1594 г. Послѣдніе Ягеллоны смирялись передъ грозной силой турокъ и старались сохранить съ ними мирныя отношенія. Поэтому турцики Орѣховскаго не заслужили ихъ вниманія. Значеніе этихъ произведеній усилилось при Сигизмундѣ III, когда турки, по причинѣ запорожскихъ набѣговъ, стали враждебно относиться къ Польшѣ, и затѣмъ польское правительство стало

склоняться на увѣщанія папъ и западныхъ государей принять дѣятельное участіе въ борьбѣ съ врагами христіанъ. Нунцій Маласпина многое заимствовалъ изъ турцикъ Орѣховскаго въ рѣчи своей на варшавскомъ сеймѣ 1596 о польско-турецкихъ дѣлахъ¹⁾.

Крупнымъ свидѣтельствомъ расположенія Орѣховскаго къ южнорусскому народу служить изданная имъ въ 1544 г. брошюра „*Крещеніе у русскихъ*“. Въ посвященіи этой брошюры архіепископу гвѣзненскому Гамрату Орѣховскій говоритъ о необходимости установить согласіе между различными вѣроисповѣданіями и совѣтуетъ начать это дѣло съ уничтоженія предразсудковъ относительно русскихъ. Онъ доказываетъ, что въ сущности нѣтъ большаго различія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ католиковъ и православныхъ, даже относительно ученія объ исхожденіи св. Духа. Такъ какъ католическое духовенство требовало вторичнаго крещенія православныхъ при переходѣ ихъ въ католицизмъ, то Орѣховскій приводитъ въ латинскомъ переводѣ всѣ обряды и молитвы при совершеніи этого таинства у русскихъ въ доказательство тождественности ихъ у православныхъ и католиковъ, а въ заключеніе перепечатываетъ буллу папы Александра VI 1501 года, которая воспрещаетъ вторично крестить русскихъ²⁾.

Сочиненіе Орѣховскаго о крещеніи у русскихъ произвело такое непріятное впечатлѣніе на католическое духовенство, всегда презрительно и враждебно относившееся къ православной Руси, что ближайшее затѣмъ сочиненіе Орѣховскаго противъ Лютера не могло его достаточно обѣлить и избавить отъ судебного преслѣдованія. Въ *сочиненіи о лютеранствѣ* 1546 г. Орѣховскій защищаетъ римскую церковь и папство. Онъ возражаетъ Лютеру вѣжливо и мягко, помня дружественное къ нему расположеніе Лютера въ Виттембергѣ. Опровергая протестантовъ, онъ не скрываетъ слабыхъ сторонъ католическаго духовенства, его нравственную распущенность, равнодушіе къ проповѣди, и обращается къ папѣ съ просьбой созвать вселенскій соборъ для исправленія

¹⁾ *Ossolinski*, III, 186—214.

²⁾ *Любовичъ*, 75; *Ossolinski*, III, 214—216.

церковныхъ недостатковъ¹⁾. Лютеръ умеръ въ 1546 г., не ознакомившись съ сочиненіемъ Орѣховскаго.

Еще во время пребыванія въ Италіи Орѣховскій въ бесѣдахъ съ своимъ пріятелемъ Мартиномъ Кромеромъ высказывался противъ безбрачія духовенства. Всю тяжесть целибата почувствовалъ онъ по принятіи сана плебана. „Видя черезъ свое невольно принятое священство дорогу къ женитьбѣ запертой, признавался онъ впоследствии, я набралъ толпу наложницъ и развратно жилъ съ ними, какъ Геліогабалъ“²⁾. Это признаніе Орѣховскаго показываетъ, что въ немъ сильна была нравственная сторона, что онъ строго осуждалъ увлеченія молодости и стремился къ устойчивой и спокойной семейной жизни. Врядъ ли можно сомнѣваться, что Орѣховскій намѣренно преувеличилъ свои пороки въ данномъ случаѣ, чтобы оправдать свою борьбу противъ римско-католическихъ установленій о целибатѣ, и потому совершенно напрасно польскіе ученые, въ особенности Оссолінскій, наираютъ на безнравственность Орѣховскаго и его споры съ латинскимъ духовенствомъ о целибатѣ стараются объяснить плотскими вожделѣніями. Въ основѣ противодѣйствія Орѣховскаго целибату лежало глубокое нравственное чувство, вліяніе Лютера и вліяніе строя семейной жизни православнаго духовенства. Созваніе вселенскаго собора въ Тридентъ дало Орѣховскому случай публично высказаться по этому поводу. Онъ изготовилъ *трактатъ о безбрачїи* духовенства и отправилъ его въ Краковъ друзьямъ для просмотра и напечатанія, что послѣдними и было немедленно выполнено въ 1547 г. Сочиненіе Орѣховскаго отвѣчало общему неудовольствію на латино-польское духовенство за его роскошь, развратность и корыстолюбіе. Оно быстро разошлось по всей Польшѣ, Пруссїи и русскимъ землямъ. Въ особенности сильное сочувствіе оно встрѣтило въ русскихъ земляхъ среди православнаго населенія. Но такъ какъ и реформаціонныя западно-европейскія ученія требовали, чтобы духовенство вступало въ бракъ, то и среди мѣстнаго католическаго на-

1) *Ossoliński*, III, 216—231.

2) *Ossoliński*, III, 15.

селенія, особенно среди шляхты, затронутой уже этими ученіями, сочиненіе Орѣховскаго принято было сочувственно ¹⁾. Съ тѣмъ большимъ озлобленіемъ къ нему отнеслось духовенство. Въ іюнѣ 1547 г. Орѣховскій былъ вызванъ на судъ въ перемышльскую консисторію. Въ виду полной покорности Орѣховскаго, перемышльскій епископъ Янъ Дзядускій, человѣкъ мягкаго характера, назначилъ ему легкое наказаніе: наложилъ на него церковное покаяніе и запретилъ проповѣдывать народу, но вскорѣ снялъ и это наказаніе. Сочиненіе Орѣховскаго было обречено на сожженіе.

Любопытнымъ эпизодомъ этого суда было обвиненіе Орѣховскаго въ томъ, что онъ поддерживалъ православную Русь въ ея заблужденіяхъ, обвиненіе, которое повторяютъ и польскіе ученые, писавшіе объ Орѣховскомъ, на примѣръ Оссолинскій (III, 14). Русь въ первой половинѣ XVI вѣка была очень бѣдна образовательными средствами; почти всѣ ея силы въ это время уходили на пограничную борьбу съ татарскими полчищами и на земледѣльческій трудъ въ укромныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Польское духовенство презирало эту скромную Русь, безъ школъ, безъ людей науки; но въ то же время оно опасалось возможности появленія православной южнорусской науки и подозрительно смотрѣло на всѣхъ тѣхъ польскихъ писателей, сочиненія которыхъ могли послужить опорой для православныхъ въ дѣлѣ научнаго разъясненія и подтвержденія ихъ религіозныхъ вѣрованій и церковныхъ обрядовъ. Трудно, однако, спрятать или заглушить мысль, въ особенности когда она прошла черезъ печатный станокъ, и еще труднѣе заранѣе опредѣлить, кто и какъ ею воспользуется. Наступило вскорѣ время, когда Русь нашла возможнымъ и необходимымъ обратиться къ книгѣ и поработать въ интересахъ духовнаго просвѣщенія, и тогда то, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст., оправдались отчасти опасенія ненавистниковъ южнорусскаго народа. Малороссіяне ознакомились съ сочиненіями гонимаго краковскаго профессора Лятоса для защиты юліанскаго календаря и пріютили у себя самого автора. Далѣе, малороссіяне воспользовались также сочиненіями „старого

¹⁾ Любовичъ, 76.

мовцы правды“ Орѣховскаго, какъ мы видѣли уже изъ Палинодіи Копыстенскаго.

Мирь, установившійся въ отношеніяхъ Орѣховскаго къ духовенству въ 1547 г., недолго продолжался. Страстный, быстро увлекающійся и энергичный Орѣховскій не могъ спокойно сносить церковныхъ нестроеній. Духовенство не могло забыть его прошлой дѣятельности. Сначала Орѣховскій молчалъ и смирялся; но враги не оставили его въ покоѣ и бросали въ него укоризнами, насмѣшками и памфлетами, при чемъ упреки шли и отъ нѣкоторыхъ его друзей, упреки въ малодушіи и бездѣятельности. Такъ или иначе ему надо было стать или на сторону шляхты, ненавидѣвшей духовенство, или на сторону послѣдняго, но въ такомъ случаѣ пришлось бы порвать съ наукой, отказаться отъ свободномыслящихъ друзей, отрѣшиться отъ всего того, что давало практическую силу и значеніе его литературному дарованію. Общество требовало отъ Орѣховскаго открытой борьбы съ духовными властями, и онъ поддался этому требованію, высказавшись одобрительно о бракѣ приходскаго священника Валентина въ с. Кржчоновѣ краковской епархіи, прямо нарушившаго такимъ образомъ пресловутый celibatъ. Вскорѣ затѣмъ женился пробошъ (протоіерей) изъ Вишви Мартинъ Кровицкій, и свадьбу его справляли въ Журовицахъ въ домѣ Орѣховскаго ¹⁾. Наконецъ, прошла молва, что и Орѣховскій собирается вступить въ законный бракъ. На сеймикѣ въ Вишнѣ въ апрѣлѣ 1550 г. Орѣховскій въ присутствіи многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ русскаго воеводства заявилъ, что постановленіе о безбрачїи духовенства есть дьявольское ученіе и что онъ не думаетъ повиноваться ему, хотя бы ангелъ съ небесъ увѣщевалъ его. На вопросъ перемышльскаго епископа, не думаетъ ли Орѣховскій въ самомъ дѣлѣ жениться, послѣдній отвѣчалъ утвердительно. Вызовъ былъ сдѣланъ. Латинское духовенство забило тревогу и стало готовиться къ борьбѣ съ Орѣховскимъ. Теперь къ Орѣховскому охотно пошла на помощь малопольская шляхта, свободолубивая, отчасти затронутая западно-европейскими рефор-

¹⁾ *Ossoliński*, III, 39.

маціонными ученіями, питавшая ненависть къ разжирѣвшему на готовыхъ хлѣбахъ и большихъ маетностяхъ духовенству. Озлобленное духовенство направило всѣ свои усилія къ тому, чтобы стереть съ лица земли дерзкаго русина, навлечь на него кары свѣтскихъ и церковныхъ законовъ. Въ противность духовенству гордая и воинственная шляхта вездѣ идетъ съ Орѣховскимъ рядомъ, бряцающая саблей и показывая кулаки. Жизнь Орѣховскаго въ пятидесятыхъ годахъ получаетъ высокій историческій интересъ, какъ фокусъ, въ которомъ сосредоточились разнообразныя теченія жизни политической, общественной и семейной, при чемъ элементъ собственно любовный, романическій совсѣмъ поглощается элементами социальнымъ и бытовымъ.

Два дня спустя послѣ упомянутаго заявленія Орѣховскаго на сеймикѣ, перемышльскій епископъ оповѣщаетъ запрещеніе вступать ему въ бракъ, угрожая въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ церкви, и требуетъ его на судъ. Орѣховскій заявилъ Дзядускому, что не подчинится ему, и обратился съ жалобой на него въ сеймъ, собравшійся въ Петроковѣ. Земскіе послы отнеслись къ Орѣховскому сочувственно и высказались противъ духовной юрисдикціи въ томъ смыслѣ, что право изгнанія и конфискаціи имущества должно принадлежать исключительно королю. Король согласился выслушать самого Орѣховскаго. Только что выступилъ передъ королемъ Орѣховскій и началъ рѣчь въ пользу брака духовенства, какъ епископы сорвались съ своихъ мѣстъ и подняли такой шумъ, что онъ долженъ былъ замолчать. Вынужденный такимъ образомъ отказаться отъ произнесенія рѣчи противъ celibата, Орѣховскій обратился къ королю съ просьбой о снятіи съ него отлученія. Король, не желая открыто нарушить права духовенства, отложилъ окончательное рѣшеніе по этому дѣлу, а духовенство, опасаясь дальнѣйшаго вмѣшательства короля, само пошло на встрѣчу къ Орѣховскому съ цѣлью примиренія съ нимъ. Орѣховскій обѣщавъ вступить въ бракъ по полученіи разрѣшенія со стороны папы. Въ 1550 г. Орѣховскій сложилъ съ себя обязанности капоники и плебана, о чемъ заявилъ коронному писарю, или нотаріусу, при чемъ также, что, оставаясь преданнымъ сыномъ католической церкви, онъ не мо-

жесть примириться съ ея внѣшнею формальною набожностью и не можетъ допустить, чтобы при обсужденіи вопросовъ вѣры свѣтское общесо было совершенно устранено и оставалось внѣ живой связи и единенія съ церковью¹⁾. Въ этомъ случаѣ Орѣховскій, очевидно, гораздо ближе стоялъ къ православной Руси, чѣмъ къ католической Польшѣ, той православной Руси, которая долгое время послѣ Орѣховскаго крѣпко держалась принципа религиозноцерковнаго единенія свѣтскаго сословія съ духовенствомъ въ формѣ *jus patronatû*, церковныхъ братствъ и свободнаго выбора священниковъ прихожанами.

Въ 1551 году передъ началомъ великаго поста Орѣховскій вступилъ въ бракъ. Польская шляхта устраивала въ честь его пиры и празднества. Со всѣхъ концовъ Польши Орѣховскій сталъ получать поздравительныя письма, такъ что уставалъ даже отвѣчать на нихъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ одномъ письмѣ. Все это ободрило Орѣховскаго. Онъ рѣзко напалъ на целибата въ своихъ рѣчахъ, письмахъ и сочиненіяхъ. Онъ отправилъ смѣлое посланіе къ папѣ Юлію III, въ которомъ требовалъ отъ него признанія своего брака законнымъ. Здѣсь онъ папу Сириція, котораго считали первымъ уставщикомъ целибата, и затѣмъ папу Григорія VII, Александра III, Бонифація VIII, Николая II и Каликста II называетъ преступными злодѣями за проведеніе целибата. Орѣховскій угрожаетъ Юлію поднять на него весь свѣтъ, если онъ будетъ поддерживать целибата. „Подумай, Юлій, говоритъ Орѣховскій, и многократно подумай, съ кѣмъ тебѣ приходится имѣть дѣло, не съ итальянцемъ, а съ русскимъ, не съ слугой своимъ, а съ обывателемъ того королевства, гдѣ и монархъ признаетъ права и вольности (шляхты). Въ Италиі ты можешь однимъ словомъ изгнать человѣка изъ отечества, лишить его духовнаго сана и имущества. Терпятъ то твои римляне, какъ бы въ наказаніе за то, что предки ихъ нѣкогда гордо повелевали царями и народами, и склоняютъ они свои колѣни передъ толпой твоихъ слугъ. У насъ не такъ. Король не можетъ у насъ поступать по своему произволу, и онъ не захочетъ изгнать меня,

¹⁾ Любавичъ, 92—95, 123.

если бы ты указалъ на меня твоимъ рыбацкѣмъ колечкомъ (перстень съ изображеніемъ св. Петра)“¹⁾.

Еще болѣе суровое нападеніе на папъ и все римское духовенство произведено Орѣховскимъ въ сочиненіи „*Reperidum Rotae*“. Орѣховскій увѣрялъ, что онъ немногимъ только лицамъ показывалъ это сочиненіе; но врагъ его Модрѣвскій утверждаетъ, что оно было напечатано²⁾. Послѣ мягкаго Юлія III, папскій престолъ занималъ короткое время суровый и энергичный Павелъ IV, не допускавшій никакихъ нарушеній римской обрядности, ревностный защитникъ celibата. Орѣховскій называетъ его тираномъ, безбожникомъ, хищнымъ волкомъ, старымъ плутомъ, злодѣемъ, антихристомъ, врагомъ всякаго просвѣщенія и науки. „Если, говоритъ Орѣховскій, гнусный Караффа именующійся Павломъ IV, съ святаго престола бранилъ Моисея и Христа, то я охотно желаю претерпѣть отъ него поруганіе и его проклятіе было бы моимъ вѣнцомъ и защитой“. Онъ советуетъ королю не довѣрять Риму, выставляетъ епископовъ измѣнниками отечеству и папскими шпионами, всецѣло подчиняющимися своему римскому самодержцу, а монаховъ называетъ сыщиками, грабителями, саранчой, высматривающей и пожирающей богатя нивы. „Свѣтлѣйшій государь, обращается Орѣховскій къ королю, окинь окомъ враговъ своихъ, загляни въ монастыри, конвенты, капитулы, синоды; сколько найдешь тамъ людей съ гумеицомъ (т. е. выстриженнымъ теменемъ—духовныхъ лицъ), считай ихъ заговорщиками. Ни о чемъ другомъ они не думаютъ, ничего другаго не хотятъ, какъ наложить на насъ ярмо. Эти лѣнты и туеядцы только жирѣютъ въ своихъ хлѣвахъ на сало для Люцифера. Прогони изъ своего сената рогатыя шапки; совѣты ихъ погубили венгровъ. Пусть они крестятъ и учатъ народъ въ церквахъ, но не хозяйничаютъ въ Рѣчи Посполитой. Прилично ли имъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла? Пусть въ такомъ случаѣ они снимутъ свои сутанны (платье духовныхъ лицъ). Пусть выберутъ они одно изъ двухъ, или отечество, или рим-

¹⁾ *Ossoliński*, III, 50—51.

²⁾ *Wiszniewski*, IX, 37.

скаго султана, который, называясь ихъ братомъ, сѣлъ имъ на шею“. Далѣе Орѣховскій хвалитъ константинопольскихъ патриарховъ, что они не подчинились папамъ и не пили изъ ихъ чаши жи, за что папы, какъ гордыя фараоны, обвинили ихъ въ отступничествѣ ¹⁾).

Въ 1551 году въ апрѣлѣ Орѣховскій прибилъ на главныхъ дверяхъ церкви въ Пржеворскѣ слѣдующее объявленіе: „Я, Станиславъ Орѣховскій, русинъ, извѣщю вѣрныхъ христіанъ, что благодаря особенной милости Божіей, спасся отъ истребленнаго Содома и проклятой Гоморры, изъ которыхъ меня высвободила святая дѣвушка изъ почтеннаго дома, Магдалина изъ Хелма, въ настоящее время моя жена... Итакъ, обещаю вамъ..., что буду непоколебимо пребывать въ этомъ святомъ бракѣ съ дѣвицей Магдалиной изъ Хелма на посрамленіе, на презрѣніе и на гибель тѣхъ, которые извратили Божеское право своими дьявольскими постановленіями, а также и всѣхъ тѣхъ, которые лживо хвалятся дѣвственностью, такъ какъ они суть вредные волокиты, явные прелюбодѣи и тайные содомиты“ ²⁾. Орѣховскій выполнилъ свое обѣщаніе. Онъ не разстался съ женой, всегда въ послѣдствіи отзывался съ любовью о ней, и злѣйшіе его враги не могли указать темнаго пятна въ его семейной жизни.

Перемышльскій епископъ Дзядускій объявилъ Орѣховскаго еретикомъ, отлучилъ его отъ церкви, лишилъ правъ и чести и постановилъ изгнать его изъ перемышльской епархіи. Орѣховскій апеллировалъ на приговоръ Дзядускаго въ петроковскій синодъ; но синодъ не обратилъ на него вниманія, подтвердилъ рѣшеніе епископа и приказалъ ему довести до свѣдѣнія короля, что Орѣховскій признанъ еретикомъ. Уступая настояніямъ духовенства, король предписалъ перемышльскому старостѣ Петру Кмита привести въ исполненіе приговоръ епископа, но Кмита, боясь возстановить противъ себя мѣстное общество, затянулъ исполненіе приговора до петроковскаго сейма 1552 г. На сеймѣ Кмита стоялъ на томъ, что женитьба Орѣховскаго не должна

¹⁾ *Ossoliński*, III, 319—320.

²⁾ *ib.* 42; *Любовичъ*, 125.

вести къ спорамъ и волненіямъ во всей Польшѣ. Краковскій епископъ Жебрыдовскій указалъ на высокое научное образованіе и литературное дарованіе Орѣховскаго. Съ него сняли клятву и только обязали его просить папу о прощеніи. Католическіе епископы опасались, что Орѣховскій, доведенный до отчаянія, перейдетъ въ православіе, и какъ большая научная и литературная сила очень пригодится православнымъ южноруссамъ. Король просилъ папу признать бракъ Орѣховскаго законнымъ, при чемъ высказалъ опасеніе, что Орѣховскій въ противномъ случаѣ можетъ отпасть отъ католической церкви и пристать къ партіи Лютера, что будетъ большимъ упербомъ для католицизма ¹⁾.

Въ пятидесятыхъ годахъ Орѣховскій потерялъ нѣсколько сильныхъ друзей своихъ: въ 1550 г. умеръ познанскій каштелянъ Андрей Гурка, въ 1553 г. краковскій воевода Петръ Кмита, въ 1561 г. Янъ Тарновскій. Изъ оставшихся въ живыхъ вліятельныхъ друзей его воевода познанскій Мартинъ Зборовскій устарѣлъ и облѣнился, а коронный подкоморій Николай Тржебуховскій упалъ во мѣбнѣи двора и потерялъ вліяніе. При такихъ обстоятельствахъ Орѣховскому пришлось смириться, тѣмъ болѣе, что и матеріальное его положеніе было не совсѣмъ удовлетворительно. Духовенство возобновило преслѣдованіе Орѣховскаго, подняло снова дѣло о его женитьбѣ, вспомнило, что онъ былъ одно время подъ проклятіемъ, и въ 1561 г. Орѣховскій былъ потребованъ на судъ въ варшавскій синодъ. Здѣсь Орѣховскій повторилъ свое исповѣданіе вѣры, уже разъ признанное за строго католическое, и въ своей рѣчи похвально отозвался о духовномъ санѣ вообще. Ставя свѣтскихъ людей ниже духовенства, признавая даже безбрачіе духовенства, въ чемъ нельзя не видѣть со стороны Орѣховскаго уступку подавлявшимъ его обстоятельствамъ, онъ, однако, по прежнему настойчиво отстаиваетъ свой бракъ: „Уже достаточно, говорилъ онъ, несчастье меня преслѣдовало, много я перестрадалъ, и пусть хоть въ концѣ жизни я немного отдохну отъ гоненій злой судьбы, отдохну съ моей женой и дѣтьми въ лонѣ католической церкви. Если вы снова

¹⁾ Любовичъ, 127, 137; Ossoliński, 54—60.

будете меня преслѣдовать, что тогда скажутъ православные, мои земляки и родичи русичи. Они не могутъ понять, откуда у католиковъ явился дикій обычай болѣе преслѣдовать бракъ, чѣмъ развратъ... Если вы изъ за жены моей выбросите меня за двери римской святыни, то куда я дѣнусь, куда обращусь? Не могу же я блуждать въ мірѣ одинокимъ, не приставъ ни къ какой овчарнѣ. Я не создамъ новой вѣры, новой церкви. Мнѣ тогда останется только повернуть на сторону моихъ предковъ съ материнской стороны и искать убожища въ наидостойнѣйшей въ ряду четырехъ патріархій восточныхъ—въ константинопольской, которой еще Халкедонскій соборъ подчинилъ нашу Русь подъ названіемъ варварскихъ странъ. Если вы этого желаете, то мнѣ остается только выполнить ваше желаніе... Я не могу оставить жену... Это значило бы нанести жестокое оскорбленіе женщинѣ знаменитаго шляхетскаго рода; Хелмскіе и Зарембы не простили бы мнѣ обиды, нанесенной безъ причины ихъ сестрѣ, и нанесенное имъ оскорбленіе смыли бы моей кровью. Наконецъ, на такой поступокъ я не могу рѣшиться уже потому, что далъ клятву быть хорошимъ мужемъ, что имѣю дѣтей; въ преклонныхъ лѣтахъ мнѣ не позволительно даже и помышлять о такомъ безчестномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе совершить его ¹⁾“.

И на этотъ разъ брачное дѣло Орѣховскаго ничѣмъ рѣшительнымъ не окончилось. Польское духовенство нашло выходъ изъ неловкаго и затруднительнаго положенія, обязавъ Орѣховскаго просить папу, но и папа не хотѣлъ рѣшительнымъ осужденіемъ оттолкнуть Орѣховскаго отъ римскаго престола и предоставлялъ рѣшеніе вопроса польскому католическому прimate. Такъ тянулось это любопытное дѣло о бракѣ Орѣховскаго до самой смерти его жены въ 1566 году. Орѣховскій сдѣлалъ торжественные похороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ похороненъ былъ и самый споръ о его женитьбѣ. Въ это время у Орѣховскаго уже были взрослые дѣти—пять душъ обоого пола. Непрерывная борьба съ многочисленными врагами, постоянная литературная работа, потеря друзей, наконецъ, потеря жены—все это надломило физическое

¹⁾ *Ossoliński*, III, 89.

здоровье Орѣховскаго и одновременно лишило его бодрости духа и энергіи. Вскорѣ послѣ смерти жены онъ писалъ своему пріятелю: „Много бурь пронеслось надо мной, многимъ я увлекался, и теперь уже минуло для меня время борьбы, сѣдые волосы усыпають мою голову; уплываетъ уже пятидесятый годъ жизни; пора собираться въ путь вѣчности; пора уплатить долги, загладить грѣхи и думать только о душѣ“. Смерть Орѣховскаго не была замѣчена современниками и время ея точно не опредѣлено. Извѣстно только, что онъ скончался вскорѣ послѣ смерти своей жены, предположительно въ концѣ 1566 года ¹⁾).

Сочиненія Орѣховскаго многочисленны и разнообразны. Какъ писатель, Орѣховскій пользовался обширной извѣстностью въ Польшѣ и далеко за ея предѣлами. Знаменитый ученый того времени Кромеръ, защищая безбрачіе духовенства, писалъ Орѣховскому: „Не думай, мой Орѣховскій, что твое имя неизвѣстно за границей. Въ Италіи, Испаніи, Франціи и Германіи мнѣ приходилось слышать похвальные отзывы о твоихъ сочиненіяхъ, составляющихъ гордость и защиту нашего отечества. Я не встрѣчалъ ученаго, который не читалъ бы ихъ и не превозносилъ бы до небесъ твоего остроумія, краснорѣчія и учености. И я гордился твоей славой, такъ какъ имѣю въ тебѣ соотечественника и друга, и потому малые лучи отъ твоей славы освѣщаютъ и меня“. Епископъ Дудичъ писалъ Орѣховскому, что онъ не находитъ никого, кто могъ бы не только спорить съ Орѣховскимъ о научно-литературномъ первенствѣ, но хотя стать съ нимъ рядомъ ²⁾). Что слава Орѣховскаго, какъ писателя, проникла не только на католическій Западъ, но и на православный Востокъ, именно въ южную Русь, достаточно видно изъ ссылокъ, цитатъ и похвальныхъ о немъ отзывовъ Захаріи Копыстенскаго. Нѣкоторые сочиненія Орѣховскаго переизданы за границей въ прошломъ столѣтіи. Въ настоящее время они забыты и встрѣчаются рѣдко даже въ большихъ книгохранилищахъ, за исключеніемъ бібліотеки

¹⁾ *Ossoliński*, 176; *Кендратовичъ*, Ист. и. лит. II, 38.

²⁾ *Ossoliński*, 133, 175.

университета св. Владиміра, гдѣ находятся почти всѣ сочиненія Орѣховскаго ¹⁾).

Для исторіи южно-русскаго края и литературы нѣкоторыя сочиненія Орѣховскаго представляются любопытными, во первыхъ, тѣ его сочиненія, въ которыхъ обнаруживается его южно-русское происхожденіе и его сочувствіе къ своимъ единоплеменникамъ, и во вторыхъ, тѣ сочиненія, на которыя ссылается Захарія Копыстенскій. Сочиненія Орѣховскаго съ симпатіями къ православнымъ русскимъ написаны имъ въ первые годы его научной и литературной дѣятельности; они отличаются бодрымъ духомъ, свѣтлой мыслью и силой изложенія. Таковы уже разсмотрѣнныя наши выше сочиненія его противъ турокъ (1543) и о крещеніи у русскихъ (1544 г.). Копыстенскій ссылается на „Діатрибу“ Орѣховскаго. „Разсужденіе противъ клеветы“ (Diatriba contra columiniam) издано Орѣховскимъ въ 1548 г. Здѣсь онъ нападаетъ на епископа Тарла, предшественника Дзядусскаго, за враждебное къ нему отношеніе епископа.

По мѣрѣ того, какъ улегалось въ Орѣховскомъ озлобленіе противъ современнаго ему католическаго духовенства, по мѣрѣ его подчиненія послѣднему, идейное достоинство его сочиненій падаетъ. Какъ противникъ celibата, онъ высказывалъ много правды; съ переходомъ въ ряды ревностныхъ защитниковъ папъ и духовенства, Орѣховскій наговорилъ много страннаго и нелѣпаго. Человѣкъ крайне страстный, горячій, быстро и до крайности увлекающійся, онъ скрытыя стремленія и желанія католическаго духовенства развилъ до бьющей въ глаза рѣзкости, преимущественно въ сочиненіи „Химера, или о пагубной для польскаго королевства сектѣ Франциска Станкара“ 1563 года. Здѣсь онъ уже прославляетъ польское духовенство съ свойственной ему страстностью и стремительностью. Онъ требуетъ безусловнаго подчиненія государства церкви, свѣтскихъ лицъ духовенству. Въ сочиненіи „Политика польской республики“ 1564 г. онъ идетъ еще далѣе въ этомъ направленіи, утверждая, что „въ Польшѣ до тѣхъ поръ не будетъ добра, пока у ней не устано-

¹⁾ *Алфавит. указатель книгъ библ. унив. св. Владиміра XV*, 178.

вится могущественная власть духовенства, когда король будетъ исполнѣ подчиняться примасу, а примасъ папѣ“¹⁾. Орѣховскій, очевидно, въ концѣ своей жизни, подавленный разными невзгодами и потерями, сжегъ все то, чему прежде поклонялся, и поклонился тому, что сжигалъ въ пору разцвѣта своихъ умственныхъ силъ.

Кромѣ названныхъ сочиненій Орѣховскому принадлежать краснорѣчивая рѣчь на смерть Сигизмунда I (1546 г.), сочиненіе „О заботливости и добромъ управленіи подданными“ (1549), посвященное Сигизмунду Августу, затѣмъ *Idea Apocaliptica*, или „Сонъ на яву“, гдѣ говорится о состояніи польскаго государства и находятся предсказанія о его будущности, польскія *мѣтописи* (Анналы), обнимающія первые годы царствованія Сигизмунда Августа, *Разсказъ о будущемъ паденіи Польши по причинѣ Лютеровой ереси 1561*, Споръ съ Фричемъ Модржевскимъ *объ авторитетѣ апостольскаго престола*, рѣчь на варшавскомъ сеймѣ 1561 г. *о духовномъ званіи*, „*Quincunx*“ т. е. „образецъ польской короны“ 1564, гдѣ превозносится похвалами духовенство, „*Диалогъ* объ исполненіи польской короны“ 1562, съ похвалами духовенству и порицаніемъ шляхты, „*Политика* польской республики“ и много писемъ къ разнымъ лицамъ. Большинство сочиненій Орѣховскаго изложено на латинскомъ языкѣ, которымъ Орѣховскій владѣлъ превосходно; нѣсколько—на польскомъ и нѣтъ ни одного на южнорусскомъ. Послѣднее обстоятельство не служитъ еще доказательствомъ, чтобы Орѣховскій не зналъ южнорусскаго языка. Есть основаніе думать, что онъ лишь не пользовался имъ при составленіи своихъ сочиненій, но зналъ его, такъ какъ въ сочиненіяхъ его на польскомъ языкѣ встрѣчаются лексическіе элементы малорусскаго языка. На страницахъ „Кіевской Старины“ было уже замѣчено, что „въ польскомъ языкѣ не мало есть словъ малорусскаго происхожденія, которыя входили въ него въ теченіи многихъ вѣковъ совмѣстной жизни малорусскаго племени съ польскимъ. Въ основѣ современнаго намъ литературнаго польскаго языка лежитъ малополь-

¹⁾ *Maciejowski. Pism. polskie, II, 774.*

ское нарѣчіе, которое составляет юговосточную разновидность мазурскаго, сосѣдняго съ южнорусскими говорами галицкой Руси. Кохановскій и Рей были малополяне; послѣдній родился и выросъ въ Червонной Руси. Второстепенные поэты золотого вѣка польской литературы Шимоновичъ (1557—1629) и Зиморовичъ (1597—1628) были уроженцы г. Львова. Произведенія ихъ проникнуты искренней симпатіей къ жизни малорусскаго просто-народья и переполнены словами, взятыми изъ устъ его¹⁾. Къ этимъ именамъ можно присоединить еще имя Орѣховскаго. Заслуживаетъ вниманія попытка Орѣховскаго ввести въ польскій литературный языкъ нѣкоторыя слова и выраженія церковно-славянскаго языка, попытка, обнаруженная въ его предисловіи къ Политикѣ²⁾. Очевидно, Орѣховскій былъ знакомъ съ церковно-славянскимъ языкомъ и высоко цѣнилъ его.

Крашевскій и Кондратовичъ находятъ, что Орѣховскій былъ „страннымъ явленіемъ религіознымъ и политическимъ“. На поприщѣ религіозномъ онъ вооружилъ противъ себя католиковъ и протестантовъ, на поприщѣ политическомъ шляхту и духовенство. Польскимъ католическимъ писателямъ личность и дѣятельность Орѣховскаго представляются несимпатичными и малопонятными, и нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Оссолинскій часто прибѣгаютъ къ суровымъ осужденіямъ Орѣховскаго. Кондратовичъ находитъ, что „рыцарская отвага Орѣховскаго на поприщѣ литературномъ, его блестящій даръ слова, его битвы оставили одно только воспоминаніе“. Онъ не видитъ, чтобы „выросли хоть какіе нибудь плоды для отечества изъ сѣмянъ той мысли, которую Орѣховскій бросалъ такъ настойчиво“ и съ чувствомъ гуманности восклицаетъ: „Жаль великаго гения!“³⁾.

Если въ исторіи Польши Орѣховскій оказывается страннымъ явленіемъ, то въ исторіи южной Руси личность и дѣятельность его представляются явленіемъ печальнымъ и глубоко-почтительнымъ. Этотъ блестящій талантъ поросъ терніемъ и волч-

1) *Житецкій*, въ „Кіев. Стар.“. 1888. V. 177.

2) *Maciejowski*, *Pism. polskie* II. 339.

3) *Кондратовичъ*, *Исторія польск. литер.* II. 38.

цемъ подъ вліяніемъ чуждой ему латино-польской культуры. Эта могучая умственная сила бесплодно погибла среди внутреннихъ противорѣчій между своимъ прирожденнымъ русскимъ *gens* и культурно-привитымъ польскимъ *patio*, наслѣдственнымъ расположеніемъ къ южнорусской народности, прежде всего наиболѣе характерной ея особенностями—греко-восточному вѣроисповѣданію, и усвоеннымъ отчасти въ семьѣ отъ отца-католика, а большею частью въ западныхъ католическихъ университетахъ, расположеніемъ къ латинской образованности, латинскому и польскому языкамъ, схоластическимъ диспутамъ и всему польско-шляхетскому строю жизни.

Орѣховскій постоянно указываетъ, что онъ родомъ русскій (*gente Roxolani*), говоритъ „наша Русь“, считаетъ русскихъ своими соплеменниками и родичами (*macierzysty krewniaki moi Rusiny*), и при всемъ томъ южноруссъ и землякъ его Захарія Коныстенскій называетъ его ляхомъ, и ни одинъ православный южноруссъ не могъ признать своимъ соплеменникомъ Орѣховскаго, католика, въ концѣ жизни завятаго паписта, особенно послѣ того, какъ онъ сталъ требовать, чтобы король былъ „подножкой“ примаса, а примасъ „подножкой“ папы. Въ національномъ отношеніи это былъ потерянный человекъ; никто не дорожилъ имъ соотвѣтственно его громаднымъ дарованіямъ; онъ самъ страдалъ отъ свившихся въ немъ въ клубокъ національныхъ и религіозныхъ противорѣчій, то поднимался на грозную высоту отрицанія и критики, то падалъ въ пучину клерикальнаго застоя и обскурантизма. Орѣховскій заявляетъ въ одномъ своемъ письмѣ, что онъ не закопаетъ своихъ талантовъ, и, дѣйствительно, онъ пустилъ ихъ въ оборотъ, только бесполезный, и въ концѣ концовъ истратилъ ихъ, разсѣялъ по пустому свою великую силу, безъ всякой пользы для „своей“ Руси и съ сомнительной пользой для Польши.

Н. Ѳ. Сумцовъ.